

к 556

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 30 КОП.

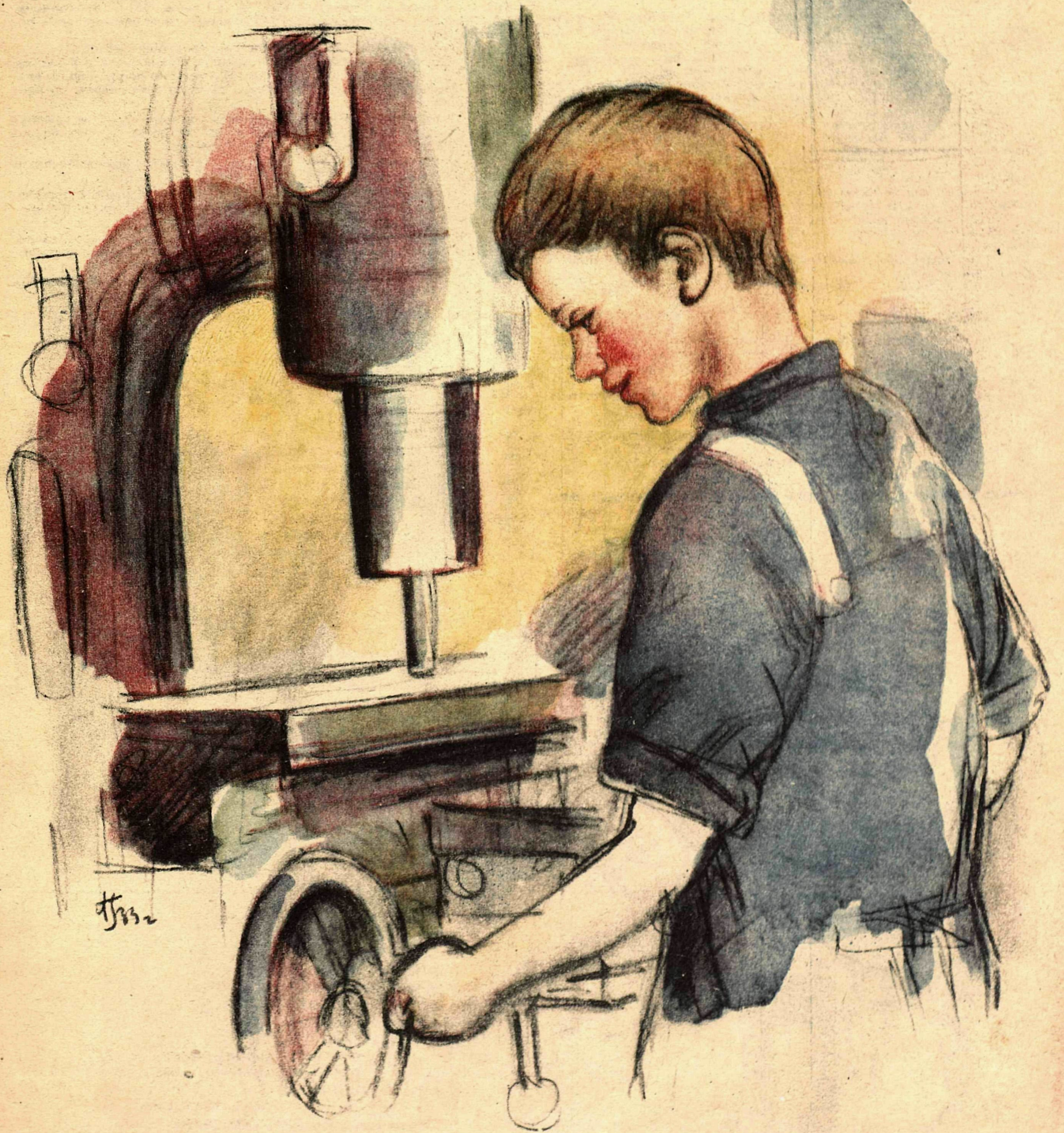
КРОКОДИЛ

№ 35-36

Москва, декабрь
изд-во ЦН ВКП(б) „Правда“

1933

Рис. Л. Гонча (тема Я. Бальского)

В СССР Тот самый „замерзающий в рождественскую ночь“ мальчик, которым многие десятки лет кормилась буржуазная литература.

СЧИТАТЬ КАРКАСОМ

Большое искусство — в нужный момент найти нужное слово.

Еще большее искусство — уметь дать каждой вещи, каждому явлению правильное наименование.

Служителю культа предложили к обеду цыпленка. Дело было великим постом. Святой отец вышел из щекотливого положения таким образом: осенив птицу крестным знаменем, он наименовал ее рыбой.

— Ныне, присно и во веки веков сего курицына сына считать карасем, амины!.

Аналогичный случай имеет место в Москве. На Никольской, 4. В Дормашоб'единении.

Смиреномудрые работники объединения увлеклись идеей: как сделать так, чтобы, лежа на чердаке, подметать пол? И нельзя ли, сидя безвыходно в московской канцелярии, руководить заводскими цехами в Рыбинске?

Увлечение такой идеей оказалось не бесплодным: работники объединения разрешились пухленькой анкетой. Но, увидев новорожденного, они впали в смущение.

Горе счастливых родителей не поддается описанию. Не дефективный ли ребенок? Толстые анкеты — не есть ли это признак бюрократического рахита? Не обвинят ли родителей в скудоумии?

Не унывать! Не впадать в панику! Есть выход!

— Переименовать! Окрестить анкету новым именем!

К каждой анкете прилагается сопроводительная бумажка, в которой сказано, что анкету „следует рассматривать не как „опросник“ или „анкету“... а как „каркас доклада“...

Подписал: заместитель управляющего объединением Самодуров. Есть анкета и нет анкеты. Волей Самодуровых из Дормашоб'единения она получает более симпатичное название.

— Читать каркасом. Попробуйте после сего обвинить нас в бюрократизме. Анкета? Не знаем. Не видели. У нас одни каркасы.

Каждый каркас имеет свою историю. Появление каркаса на Никольской, 4, — отнюдь не юмористическое явление.

Дормашоб'единение — Всесоюзное объединение дорожного и локомобильного машиностроения. Имеет оно под своим началом четыре завода:

1. В Людиновке, Западной области. Производит: локомобили, радиаторы, котлы.

2. В Рыбинске. — Камнедробилки, моторные и элеваторные катки.

3. В Николаеве. — Дисковые плуги. Тракторные свеклопопалки.

4. В Кременчуге. — Копры, цистерны.

У Дормашоб'единения имеются известные трудности. К каждому заводу нужен особый подход. Требуется конкретное, дифференцированное руководство: здесь — радиаторы, там — дисковые плуги. Надо знать и то и другое.

Работники Дормашоб'единения выходят из этого затруднительного положения таким образом:

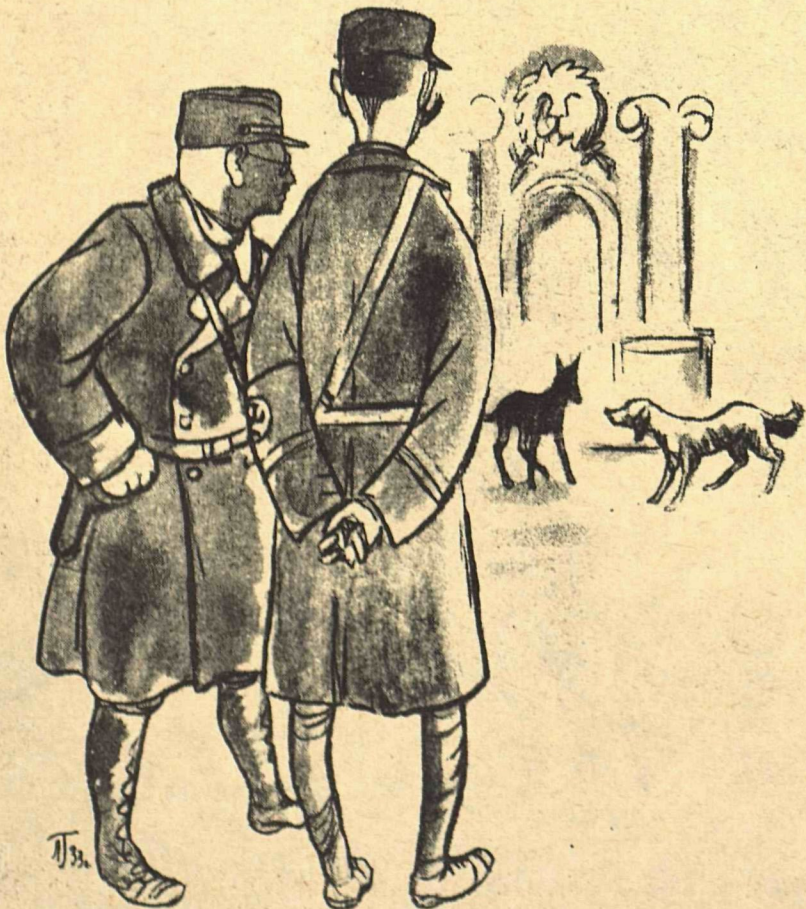
Они не знают ни того ни другого.

Но порой их осеняет яркая, как зарница, и такая же мимолетная мысль: „надо что-нибудь сделать“. И тогда директора, их заместители и начальники цехов срочно вызываются в Москву:

„БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ РАСЫ“

Рис. Л. Генча (тема Я. Бальского)

В Германии вводится в силу закон о принудительной кастрации лиц „разных“ категорий.

— Дескать, „явилась охота руководить вами. Бросайте все и приезжайте. Самодуров“.

При этом на один и тот же день созывают директоров, заместителей и начальников цехов всех четырех заводов. Нечего говорить только о копрах или только о локомобилиях. Говорите обо всем сразу. Ведь лучшие музыкальные симфонии слагаются из разнообразных мотивов.

И не приезжайте, дорогие товарищи, с голыми руками. Вот вам анкета, — виноват, каркас, — и будьте любезны жить, работать, мыслить и разговаривать с начальством по каркасу.

А в каркасе — около двухсот вопросов. Чтобы честно ответить на них, нужно переключить на эту работу весь заводской аппарат. Думаем, что за два месяца можно будет кое-что сделать.

На Никольской, 4, хотят знать все подробности. А потому будьте добры ответить на такой вопрос:

„Производственная площадь цеха и расположение последнего на территории завода“.

Не забудьте также указать:

„Количество рабочих: а) производственных по профессиям, рядам и стажу на 1 января 1933 г. и на 1 июля 1933 г. б) вспомогательных... в) соотношение производственных и вспомогательных рабочих для 1931, 1932 и 1933 гг.“

Не поленитесь точно ответить и на следующий вопрос:

„Общее количество рабочего времени (станочного и ручного), затраченного в первом полугодии на: а) плановую продукцию, б) внеплановую, в) внутривзводские заказы, г) подготовку кадров, д) прочие затраты“.

Кому нужны эти стога цифр? Кто и к чему будет их изучать? Ведь через несколько месяцев — вновь тот же каркас и те же вопросы о 1931, 1932 годах и о прошлогоднем снеге.

Руководители заводов неделями, месяцами сидят в Москве и штурмуют высоты каркасов.

Все-таки в Дормашоб'единении веселей. Сидят люди с периферии. Сидят. Рассказывают. Курят. Сочиняют отчеты. Дормашоб'единение тесно связано с местами! Не отрывается...

Большое искусство — в нужный момент найти нужное слово. А вот на сей раз мы литературных слов не находим, чтоб охарактеризовать этокое, с позволения сказать, руководство.

Г. РЫКЛИН

ПАПОЧКА И МЫШКА

(Коперативная колыбельная)

Спи, мой мальчик, спи, малыш!

Тихо в нашей спаленке.

В уголке скребется мышь,

Ты не бойся, маленький.

Не откусит мышка вдруг

Пальчики-мизинчики, —

Эта мышка — папин друг

В нашем магазинчике.

Спи, мой милый, спи, малыш!

Отчего ты все не спишь?

Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

Вон месяц в подушку

Щекою залез...

Утруска, усушка...

Утечка, провес...

В уголке скребется мышь

Бархатною лапочкой.

Эта мышь дает барыш

И тебе и папочке.

Папа спишет на мышей

Фрукты и конфеточки

И накормит до ушей

Дорогого деточку.

Спи, мой милый, спи, малыш!

Отчего ты все не спишь?

Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

Вон звезды, как свечки,

Глядятся с небес...

Усушка... утечка...

Утруска... провес...

Шкурка мышкина — пустяк,

Но из этой шкурочки

Папа выкроил пиджак

И тебе на бурочки.

И пока не тронет кот

Мышкиного ротика, —

Будет маме коверкот

И пальто из котика.

Спи, мой милый, спи, малыш!

Пусть тебе приснится мышь...

Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

У мышки - вострушки

Есть много чудес...

Утруска... усушка...

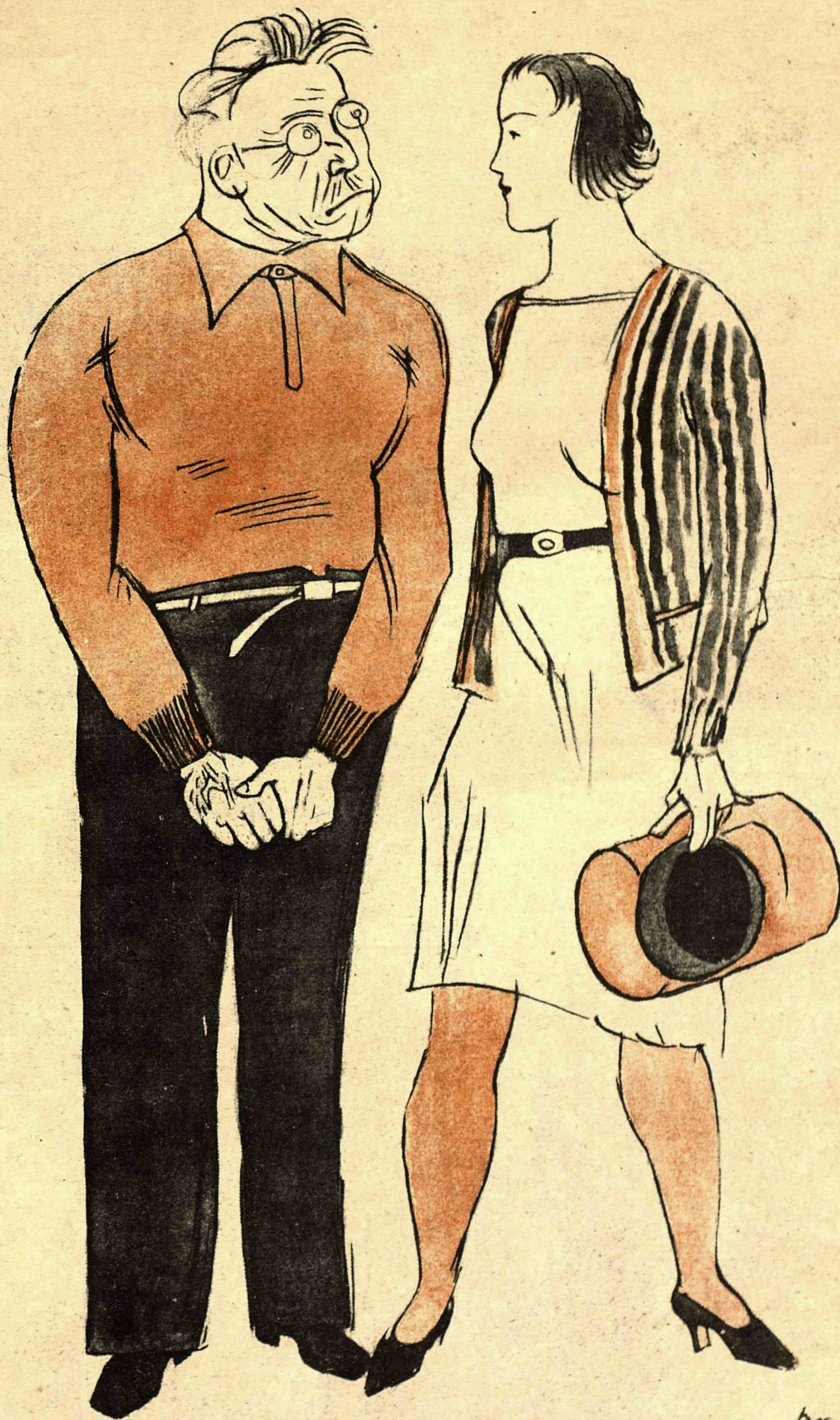
Утечка... провес...

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУЧАЧ

У С В О Е Н Н Ы Й   У Р О К

Рис. В. Козлицкого (тема А. Афанасьева)

— Почему после моего исключения из партии ты стала меня сторониться?
— Ты же сам советовал мне всегда держаться подальше от беспартийных.

Ну, и зеркала нынче пошли — смотреть противно. Вот лет шестнадцать тому назад были действительно зеркала!..

ТОЧКИ С ЗАПЯТЫМИ

Кочетков, директор, моргал невинными глазками и ласково улыбался. Товарищ из райкома деловито внушал ему:

— Не годится этак, хозяин! Не годится, и точка тут. Ты второе постановление ЦК партии о Донбассе читал? От пятого декабря которое, знакомо оно тебе?

— Грамотный я, — сказал Кочетков.

— Ну, и точка. Ты что ж думаешь: к тебе оно не относится? Постановление постановлением, а у тебя пускай попрежнему текусть инженерно-технического персонала?.. Не говоря уже о том, что инженера Веденяпина ты собственноручно перебросил с производства назад в управление! Перевел было на производство его, — во исполнение, так сказать, директив, — а через пять дней тихим манером обратно. Ведь это что ж? Прямой обман партии! Точка.

Кочетков откинулся на спинку кресла, вздохнул и сказал:

— Запятая. Удивительный вы народ, посмотрю я на вас! Что важно в постановлении ЦК: принципиальные установки или отдельные буквы?.. А у вас так: нарушишь букву в интересах живого дела. — сейчас же и паника! Сейчас же трескучие всякие слова: „Обман! Саботаж! Несоблюдение! Невыполнение! Неподчинение! Не железная! Не дисциплина!“

— Это самое и есть, — убежденно произнес товарищ из райкома.

— Ничего не это и несколько не самое! А если интересы дела вынуждают? „По нужде и закону“... Как это Петр Первый говорил?.. „По нужде и закону препона“..

— Ты мне про Петра Первого не заливай. Алексею Толстому рассказывай! Мне про Веденяпина интересно.

— Вот и про Веденяпина... Вопрос ясен, как спичка. Веденяпин не столько практик, сколько крупный теоретик, и без него страдало общее руководство. Через пять дней я перебросил Веденяпина обратно, убедившись на практике, что здесь, в управлении, без Веденяпина и дня одного не обойдись! Заменить его некем, а на производство я могу любого послать инженера, в конце концов.

— То-есть, как это могу? — удивился товарищ из райкома. — Неужели еще не послал?..

— Да... Нет... То-есть, там, в сущности, хватает... Но можно, конечно.

Товарищ из райкома покачал головой:

— Ловко! Значит, хозяин, так: производство месяц без специалиста обходится, а канцелярия — дня одного не может?

— Часа, — поправил Кочетков. — Да что, в самом деле: кто он мне, Веденяпин? Личная секретарша? Жена? Любовница? Ради прекрасных глаз я его сюда перебросил?.. Мне с ним и встречаться-то не приходится... Тут не кумовство же, а интересы дела!

— Так. А Веденяпин, — он сам-то как? Солидаризируется с тобой,

— Об этом можно у него самого спросить. Марья Игнатьевна! А, Марья Игнатьевна! На минуточку... Вот что: будьте любезны немедленно вызвать инженера Веденяпина!

— Хорошо, — сказала Марья Игнатьевна. — Срочную послать или молнию?

— Чего срочную?

— Телеграмму.

— Кому?

— Инженеру Веденяпину.

— Вот тебе раз! Да он где?

— Как, где? В Сухуме.

— Почему же в Сухуме? — обалдел Кочетков. — Кто его посылал?..

Марья Игнатьевна деликатно улыбнулась и пояснила:

— Извиняюсь, но вы же подписали товарищу Веденяпину отпуск на два месяца. Для поправления расстроенного здоровья. Месяц назад. Сейчас же после того, как он был перебросен в управление. — Точка, хозяин? — строго спросил товарищ из райкома.

Кочетков откинулся на спинку кресла, вздохнул и сказал:

— Запятая. Новая запятая! Веденяпин болен: кем я его заменю? У меня один выход: временно взять с производства инженера Петрова... Производство — производством, а управлению без специалистов тоже нельзя.

Рис. М. Храпковского (тема А. Гарри)

Для подавления восстаний в колониях империалисты применяют веселящий газ.

Начальник учреждения, зав, проходя по коридору, наткнулся на кучку сотрудников, которые стояли в уголке и, надрывая животы, чему-то смеялись.

Хотя это был не порядок, но заведующий, слывший великолепным человеком, не сделал им выговора, а, как бы по-товарищески заинтересовавшись, подошел и спросил, в чем дело, наперед уже улыбаясь. Сотрудники, захваченные за бездельем, смутились. Стыдно было хорошему начальнику показаться в некрасивом свете: за болтовней и смехом в служебные часы.

Тогда один, покраснев, сказал:

— Да вот, товарищ Мирошкин замечательные эпиграммы пишет. До того талантливо, что просто сил нет.

— Что вы говорите, это интересно! — сказал заведующий.

— На кого и на что он пишет?

— Да на все и на всех. Только некоторые из них очень... с политической стороны... просто неудобны.

— Ничего, ничего, в своей семье можно, вы ведь знаете, — я как раз отличаюсь „гнилым либерализмом“, — сказал, улыбаясь, заведующий.

— Ну, Мирошкин, прочти, не стесняйся, тов. Мещеров не взывает строго, — заговорили служащие, обращаясь к молодому человеку в узеньком пиджачке с короткими рукавами, из которых далеко выходили его красные руки.

Тот, сконфузившись, стал было отказываться, но на него надели уже все, и он, откашлявшись, прочитал:

В одном нашем отделе
Что-то не видно работы.
Мало говорят о деле,
А рассказывают анекдоты.

Заведующий, усмехнувшись, покачал головой, как качают при очень скользких вещах и сказал: „Остро, остро“...

— А ну-ка, еще что-нибудь. Про сотрудников есть?

— Есть, — сказал автор, поднял глаза кверху, подумал и сказал: — Вот:
„У нас есть общественник,
Издает стенгазету,
Любит блага естественные
И предан Фету“.

Заведующий расхохотался.

— Это, конечно, Степанов? Пишет о пятилетке, а сам нет-нет, да продекламирует лирические стихи.

— Товарищ Мещеров, а Степанов ведь обиделся.

— Чего ж тут обижаться! Я не обижаюсь, когда про мое учреждение пишут. Как у нас люди самолюбивы! Других критикуют с удовольствием, а как самих коснутся, так и не нравятся. Нет, знаете, у вас, несомненно, сатирический талант, его надо развивать, я с удовольствием вам помогу. Нам сатира нужна. А на меня есть эпиграмма?

— Нет, я не писал еще, — сказал автор, покраснев от похвал.

Заведующему показалось что-то немножко обидное в том, что как будто выходило так, что его персону так мало занимала собой внимание сотрудников, что о нем даже не подумали.

— Ну, когда напишете, тогда скажете, — сказал он, уже несколько холоднее обращаясь к автору.

Наконец однажды один из служащих, подавая ему утром на подпись бумаги, сказал с застенчивой улыбкой:

— А Мирошкин все-таки написал на вас эпиграмму.

— А, это интересно. Что же он не придет и не прочтет?

— Стесняется. И... боится.

— Глупости, глупости, вы видите, как я отнесся даже к такой эпиграмме, в которой высмеивалась работа нашего учреждения.

Сотрудник ушел и через несколько времени привел автора, а за ним в кабинет набилось человек десять сотрудников, которые ободряюще подталкивали его. Некоторые из них даже сели в кресла для посетителей, как будто недоступный прежде для них кабинет начальника превратился в зал-кабаре.

— Ну, что же, говорят, написали и на меня?

— Написал, — сказал автор, покраснев, в то время, как рассевшиеся в креслах сотрудники с видом гостей переглядывались с начальником. В кабинет заглянул управляющий делами и удивленно обвел глазами сидевших в креслах третьестепенных сотрудников.

— Петр Петрович, что же все-таки отправлять Фролова в Ленинград?

— Нет, я, кажется, дам эту командировку другому.

— Очень рад, он совсем не годится.

— Подождите минут десять, я вам потом скажу.

И когда озадаченный управляющий, еще раз оглянув рассевшуюся компанию, вышел из кабинета, заведующий запер дверь и сказал: — Ну, давайте, давайте!

Мирошкин, у которого в его красных руках была свернутая в трубочку тетрадка, проглотил слюну в пересохшем рту и прочел:

„Всем хорош наш начальник Мещеров,
Один лишь дефект: ноздри его, как пещеры“.

Заведующий приготовил свое лицо на поощрительную улыбку, как его готовит человек, которому предстоит услышать что-нибудь про себя, и он этой улыбкой хочет показать, что стоит выше мелкого самолюбия и умеет быть либеральным и объективным даже относительно вещей, направленных против него.

Но со второй строчки он почувствовал, что улыбка не удержится у него на лице.

Во-первых, его обидело то, что эпиграмма была явно дубовая и бездарная по форме, вторая строчка не ладилась по размеру с первой. А потом и содержание ее как-то задело заведующего.

— Ну, это уж неудачно, — сказал он, — и мелко по содержанию и никуда не годится по форме. Я думал, что вы возьмете какую-нибудь черту моего характера или деятельности, а вы взяли наружность. При чем тут наружность?

У сотрудников на лицах появились сконфуженные улыбки. Больше всех был смущен сам автор.

— Кажется, очаг восстания здесь, можно начать веселить...

— Да, это у меня не совсем удачно... я ведь не хотел читать, это вот они...

Несколько сотрудников, сидевших ближе к двери, сделали вид, что им что-то нужно, и вышли из кабинета, как выходят зрители при провалившейся пьесе.

— Вас слишком захвалили, — сказал начальническим тоном заведующий, — вот вы и снизились. — Он говорил это, а сам, видя обращенные на себя взгляды слушающих его сконфуженных сотрудников, вдруг почувствовал в своем носу странную неловкость.

И когда сотрудники смущенно покинули кабинет, ему вдруг захотелось посмотреть на свой нос и именно на ноздри, на которые он как-то никогда не обращал внимания. Он пошел в уборную и посмотрел в зеркало.

— Нос, как нос, — сказал он сам себе, но в самом деле ноздри как будто великоваты. И как это он сразу заметил, мерзавец, я всю жизнь ходил с ними и не обращал на это внимания.

Когда он вышел из уборной в коридор, где проходили сотрудники с бумагами и были посетители, он почувствовал еще большую неловкость в носу, какая бывает, если на нем есть какой-нибудь посторонний предмет, какая-нибудь наклейка. И он постарался поспешно протереть людное место и войти в свой кабинет.

Его раздражало больше всего то, что он сам поддавался этому ощущению и никак не мог отделаться от него.

— Глупо еще то, что я расхвалил его слишком поспешно. Теперь будут говорить, что написанное про других я хвалил, а как у самого подметили правильную, но не совсем приятную черточку, так это мне не понравилось.

Даже выйдя на людную улицу, заведующий продолжал чувствовать наклейку на носу, ему уже казалось, что все встречные пешеходы смотрят на его нос.

— Что ты все нос трогаешь? — спросила его жена, когда сидели за обедом. — Болит, что ли?

— Нет, ничего, — ответил заведующий, покраснев.

Придя на следующий день в учреждение и столкнувшись в коридоре с управляющим, он сказал:

— В Ленинград пошлите Фролова.

— Как Фролова, ведь он дурак форменный. Вы как будто хотели другого.

— Нет, пошлите его. А этого Мирошкина уберите от меня куда-нибудь, чтоб я его не видел. Это бесталанный, глупый и даже вредный человек.

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ

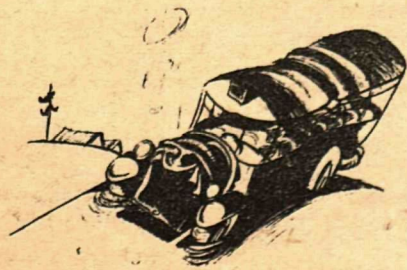

В медвежьем белом полушубке
непробужденное шоссе.
Прозрачен воздух. Воздух хрупкий —
вот-вот расколется совсем
от необдуманного чиха,
и снова станет тихо-тихо...
Из-за кустов, не чуя бед,
выходят заяц и зайчиха,
повидимому, на обед.
А на пригорке — лес лиловый,
неглотанный у корня лес —
вот адрес заячьей столовой!
(В лесу „Мостропа“ нет. А. С.)
И планы радужные строя,
косые улыбаются. А
вблизи, на Бобрискаютстрое,
им сеть плела судьба-лиса.
А где судьба, — всегда невзгода,
как говорится, жди греха...

Так вот, с Азотного завода
автобус в город громыхал.
В глазах — задор, в груди — аншлаги:
иных восторгов не вместе,
шофер местрансовый Кулагин
пылал восторгом к скоростям.
Не нужно думами терзаться:
дорога — гладь, „Лейланд“, лети!
И нужно ж было глупым зайцам
устроить пробку на пути!
Шофер привстал. Нажал педали.
Рванул за скоростный рычаг, —
И фиолетовые дали
слиняли в транспортных очках.
— Поймать живьем!! Кряхтят покрышки.
Зайчиха подтянула зад.
У зайца брызнула слеза.
И вот „Лейланд“ несется за
двумя зайчишками вприпрыжку.
Как гончий пес, сопит „Лейланд“,
А зайцы мчатся без оглядки,
мелькают стоптанные пятки —
старинный заячий талант!
— На карту технику и навык!
— Наддай! Таррах!.. И снег, как пыль.
В сугробе, посреди канавы,
увяз и стал автомобиль.
Шофер, застрявший под откосом,
крыл матом заячьи хвосты,
а зайцы, усмехнувшись косо,
не торопясь, пошли в кусты...
— Спасла канава нас, а то Сы...
— Не будь канавы, я б достал...
А спотыкнувшийся автобус
в ремонт на две декады стал.

А. СТОВРАЦИЧ

ДИЖКА

В этот день на кухне отделения украинского совхоза не замечалось обычной предобеденной суеты. На холодной плите одиноко торчал пустой котелок, две босоногие кухарки сидели у окна и оживленно судачили о какой-то Хивре, которая „на жинок лае, як тая собака, а до хлопців ласая, як кит до молока“.

Бригадир из союза Нарпита, приехавший в совхоз, удивленно огляделся.

— А как же у вас, гражданки, с обедом?
— Нема обиди, — флегматично отозвалась кухарка в белой кофте.
— И не буде, — отрубил другая в выцветшем синем халате.
— Как так? Почему?
— Та дижка ж!
— Дижка?
— Эге ж!
— Кака дижка?
— А та, шо була у криници.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что бадья, которой черпали воду, сорвалась и упала в колодець. Поэтому не замесили хлеба и не готовят обеда. В самую горячую пору уборочной комбайнеры, трактористы, шоферы, косцы, копнильщики и грузчики должны довольствоваться соленой тюлькой без хлеба. На завтрак — тюлька. На обед — тюлька. На ужин — тюлька.

— Безобразие! — возмутился бригадир. — Почему вы не достанете бадью?
— А и в самом деле! — хлопнул ладонью по лбу управляющий отделением. „Это мы в один момент. Эй, Хведор! Ходи до криници, вытягни цию дижку, трясця ее мамал“

На другой день бригадир снова явился на кухню. На этот раз на плите не было даже пустого котелка, а кухарки судачили уже не о Хивре, а об Одарке, которая „только писни спивать да с хлопцами жартовать, а як до работы — ее собаками не знайдеш“.

— Опять нет обеда?! — вскричал посетитель.
— Та вже ж нема.
— Почему?
— Та дижка ж!
— Опять дижка?
— Эге ж, дижка!
— Не достали из колодца?
— Вытягнули, але ж воды достать не можно!

Оказывается, бадью достали, но веревка стала короче, и бадья не касалась воды. Бригадир бросился к управляющему:

— Неужели вы не могли заказать железный прут и навсегда покончить с этим безобразием?

Управляющий почесал затылок:

— А ведь и в самом деле! Чего прощ! Эй, Петрусы!

На его зов подбежал юркий, смуглый до черноты мальчуган в одних коротких штанишках. Управляющий скомандовал:

— Ходи, пацан, до Хведора, нехай вин змирит бычеву до воды, а потим тикай до батька, нехай вин зроби залізний прут до дижки, шо у криници. Чуешь?
— Чую! — бойко отозвался Петрусь.

Гордясь возложенным на него поручением, мальчуган помчался к Федору, захватил нужного размера веревку, сел верхом на палочку и отправился в кузницу. Лошадь оказалась норовистой, вставала на дыбы и топталась на месте. Требовался хороший кнут, а длинной веревкой погонять коня было неудобно. Догадливый хлопец вынул из кармана штанишек складной нож и оттяпал порядочный кусок веревки. Длинный конец намотал на шею, коротким стал погонять коня, — и дело пошло на лад. Конь помчался карьером, вздымая хвостом серое курево на пыльной дороге.

Бригадир был человек упрямый. На третий день он снова заехал на отделение и явился на кухню. Несмотря на жаркий день, от плиты веяло ледяным холодом. Кухарки, видимо, поссорились и сидели в разных углах, сонно отмахиваясь от назойливых мух.

— Опять дижка? — ужаснулся посетитель.
— Та дижка ж! — развела руками кухарка в белой кофте.
Прут оказался короток. Бадья не доставала до воды...

Н. КАРПОВ

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

СПАСИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Румынские фашисты в своих изданиях уверяют, что

румынское население очень болтливо и надо сократить количество слов, употребленных в разговорах.

Повидимому, фашисты предполагают, что для населения во всех случаях достаточно только одного слова: «Караул!»

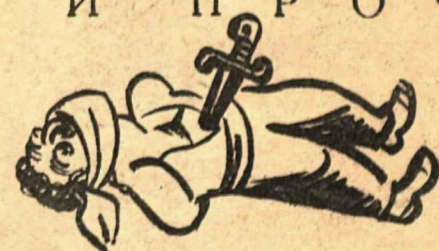

В МИРЕ ДЕФЕКТИВНЫХ

Проф. Бергман, самый отчаянный из фашистских теоретиков, предлагает:

...Одна из дальнейших задач расового департамента — создать специальные питомники для содействия размножению германцев чистых кровей.

Не в таком ли питомнике проф. Бергман получил свое профессорское звание.

ОБМАН ЗРЕНИЯ

Пресловутый лорд Ротермир в своих изданиях утверждает, что фашизм —

это самое светлое явление на фоне сегодняшней политический жизни.

Баснописец Эзоп по этому поводу еще очень и очень давно сказал:

„Можно и лягушку принять за быка, но не следует об этом рассказывать друзьям“.

ЗАСОРЕНИЕ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Телеграммы из Парижа рассказывают о том, что

известный авиационщик, пролетая над Парижем, разбрасывал монархические листовки.

Гоголевский Чуб заранее предусмотрел возможность таких явлений:

„— Зима — не лето... Зимой всякая дрянь на голову валится“.

Авторы: Я. БЕЛЬСКИЙ, М. ГЛУШКОВ, К. РОТОВ.
Рисунки К. РОТОВА.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(игра «Крокодила»)

Игра посвящается всем, мешающим наладить социалистический транспорт. Из четырех станций отправляются одновременно 4 маршрута в Москву. Они прибыли бы своевременно, если бы препятствия, чинимые разными бюрократами, разгильдяями, а иногда и просто дураками, не мешали движению маршрута.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Покладевая каташка, как и фишки (маршруты хлеба, нефти, овошной и угольной), накладываются на каргон и вырываются. В каташке вы продвигаете открытые, куда ставите фишки. Вы вращаете каташку по очереди и, в зависимости от вырванных очков, двигаетесь по дороге к Москве (центру), передавая фишки. Попадая на ст. Политотдельскую, вы в дальнейшем избегаете всех неприятностей. Терпящие очереди все же вращают каташку и, если вы выбрасываете «Крокодил», они освобождаются из плетения и переходят на один номер дальше. Цифры, выбрасываемые во время нахождения на плохом месте, при потере очереди не засчитываются, во всех других случаях «Крокодил» дает одно очко. После же попадания в Политотдельскую выбрасываемые «Крокодила» дает три очка.

Маршрут I
Получая на № 3-ст. Великие Луки, вы испытываете большую неприятность, так как дежурный по станции Поляков любит отправлять поезда вместо Москвы в Ленинград. Вы проваливаетесь вниз и благодаря симпатичной физиономии Полякова (лицо неполадков) теряете три очка.
№ 5 также прорыв специализировался на прожорливости через закрытые сегменты Боров, который специализировался на прожорливости (разбито 20 цистерн). Несчастный теряет две очка.
№ 6, надо прямо сказать, номер неважный. Вы попадаете на перегон Челябинск — Макушино с неустойчивым земляным полотном. Вам приходится перейти на другой маршрут II — на № 2, где не только все вам мешают, но и вы мешаете всем, и приходится двигаться к Москве уже по другой дороге, на № 1 — меньшин неприятностям. Дальше, если вам повезет, вы попадаете на ст. Политотдельскую, — и вы проходите в дальнейшем беспрепятственно все черные и узкие места. Но если вы, минуя № 1, попадаете на № 12 — Нижний Тагил, —

где за полгода произошло 1200 аварий, вы теряете три очка, пока починят ваш состав и смеют руководство. Но не будем скрывать от вас, дорогие читатели, что на № 14 вас ждет новая неприятность. Начальник ст. Хитровка, не желая считаться с условиями климата и не справившись с календарем, заставляет вас добираться до Москвы окольными путями, и вы попадаете на маршрут III — № 3, где вы имеете широкую возможность ознакомиться с неполадками другой дороги. Но самое обидное, когда вы, почти добравшись до цели, попадаете на малообещающий № 23 — Окружную дорогу — и вертитесь вокруг столбов в мере на попадании на № 23.

Маршрут II

Первая неприятность подстерегает вас на № 5. Это ст. Кургалы, где саживается под жилье, а вы, занимаясь выселением жильцов, теряете три очка. Попадая на № 7, — ст. Политотдельская, — вам, разумеется, не страшны никакие препятствия в дальнейшем, даже № 18.

№ 11 — Вершинский узел Периской дороги — заставляет вас подожать две очка в виду того, что там любит выдвигать машинистов в свиноводы. Вам придется потерять две очка, пока ваш машинист не попытается разорить мясную проблему.
Что же касается № 18-ст. Нижне-Уральская, — то даже страшно подумать, что вас там ожидает, если вы предвзвительно не побываете на ст. Политотдельская. Вас просто выбрасывают из игры, потому что там допнула магнетельная сеть, получилась заводнение, и вы должны немедленно переключиться на № 20. На ст. Белгород — один фонарь на всех сторожей, и вы, ожидая восхода дневного светила, теряете всего одну очку.

Маршрут III

Здесь первое затруднение вы испытываете на № 5-ст. Тифлис. Там влетает поезд, поезд встретил некому, и вы теряете две очка, пока бригада опохмелится. Поэтому стремитесь попасть на № 7 ст. Политотдельская, которая дает вам преимущества, указанные выше.

Следующие препятствия на ст. Основа. Там пробия, и вы теряете три очка, если не теряете присутствия духа и продолжаете играть. На ст. Люботин — № 18 вас подстерегает туника, и благодаря старанию начальники станции вы теряете две очка. На № 20-ст. Сагаевка, Казанской дороги, — интересный сюрприз. Там неожиданно появляется лось, и так как поездное начальство безумно любит охоту и азартно преследует несчастное животное, вы вынуждены перебраться на маршрут IV — № 15, там, по словам, лоси не водятся.

Маршрут IV

На № 2-ст. Ясиновата — не работают водонапорные приспособления, но благодаря остроумной выдумке местных рационализаторов вы все-таки получаете воду, хотя и довольно-таки медицинским способом. Это стоит вам две очка.

№ 8-ст. Политотдельская — дает те же преимущества, что и на всех маршрутах.
№ 11-ст. Пантовка — заставляет вас ознакомиться с состоянием местного колхозного рынка, так как жены узлового начальства любят производить там закупки продуктов (все свежее и не дорогое). Пока они торгуются, поезд ждет три очка. Но вот мы, наконец, уже на № 21-ст. Березовка. Казалось бы, все идет хорошо, но впереди дрезна, а в дрезне — начальство. Не желая беспокоить начальство, вы срочно переходите на маршрут III — № 19, Ну, а № 23 — все та же Окружная дорога.

НО ТРАНСПОРТ — НЕ ИГРА!

Выиграли ли вы, дорогой читатель, или проиграли в этой игре, — принимайте участие в подлинной транспортной социалистической выгоду и на образцы. Факты, послужившие основой для этой игры, накладывают и на вас ответственность. Ведь если вы и не железнодорожник, или злостный грузополучатель, или просто инженер, отсылавшийся в мануфактурный или же, наконец, уж, наверно, в том или другом случае малополучательный пассажир. Играйте в эту игру в свободное время, но помните и о своей ответственности.

Транспорт — не игра!

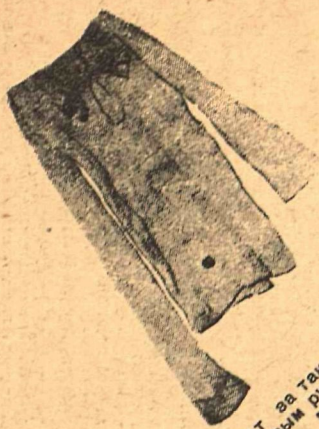

СКОЛЬКО МОЖНО ПОЛУЧИТЬ?

В редакцию „Крокодила“ наши читатели прислали образцы недоброкачественного ширпотреба, выпускаемого некоторыми московскими и южными фабриками. Один из читателей спрашивает нас:

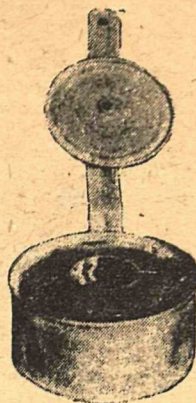
— Как вы расцениваете такую продукцию?
— Отвечает ему коротко и просто.

Вот за такой свитер с правым рукавом для оранжера можно только с очень рассеянного покупателя получить рублей 30.

За такую вилку можно получить все, что угодно, кроме благодарности.

За такую лампу можно получить только нагоний.

За такой ботинок ничего нельзя получить с покупателя.

ЛИЧНОСТЬ И ШИРПОТРЕБ

Каждый человек имеет свою характеристику. У Шипарева ее не было. О человеке с жидкими висючими усами, мутными глазами и резко выраженными симпатиями к сну, монографий не напишешь.

Поэтому о Шипареве вспоминали обычно таким способом, каким шарят указкой по немой географической карте.

— Скажите, какой это Шипарев? Это, который в толстовке и с запахом? Нет, это Ключицын... Не тот, который у окна и чмокает? Это, кажется, Фучаев... Ах, да, да, Шипарев это, который с патефоном?

Это было все, что сослуживцы могли сразу вспомнить о Шипареве. Может быть, для астронома, открывшего новую бесполезную планету, или для мученика идеи, сгоревшего в непогожий день на сыроватом костре, этого было бы не вполне достаточно, но Шипареву этого хватало. С той поры, как он выиграл в лотерею за билет в полтора рубля патефон и шесть фокстротных пластинок, Шипарев чувствовал себя вне службы, как молодой герцог, раскрывший инкогнито в пастушеской хижине восемнадцатого века.

Еще не так давно единственные приглашения, которые выпадали на долю Шипарева, ограничивались или сухим напоминанием не забывать о картофельном субботнике или не отказаться. — Явка обязательна, — прослушать доклад о подготовке к прополочной кампании. Даже на самые скромные вечеринки в складчину его приглашали только в том случае, если не хватало четырнадцати рублей. Но и эта сумма редко спасала его от обидного невнимания в самом разгаре веселья.

Шипареву доставалось — или чистить крупный лук для селедок, или держать хозяйского пса во время танцев, чтобы тот не хватал за ноги молодых людей, или провожать хозяйскую тетку в бестрамвайный пригород.

— Шапки! — кричали ему танцующие, — держи Бульбу! Ворчит!
— Моя фамилия не Шапкин, — сухо отзывался Шипарев.
— Это ты знаешь, а собака не знает. Схватит, — и скидывай со счетов ногу...

Его обносили ветчиной с горошком и пивом. Садись к нему спиной и, уходя, надевали его галоши.

Вернувшись домой после такой вечеринки, Шипарев долго смотрел в скользкие оконные стекла и писал на них инициалы женщин, которые с ним сегодня не разговаривали.

Но когда в его жизнь пришли патефон и шесть фокстротных пластинок, Шипарев стал пить счастье сразу и большими глотками. Уже на другой день сослуживец Семицветов подошел к нему во время обеденного перерыва и интригующе предложил:

— Завернул бы ко мне сегодня, Шипарев, а? Свои будут. Сосиски, черносмородиновая... Патефончик прихвати... Потанцуем.

Шипарев завернул патефон в полосатое одеяло и пошел. Пошел он и завтра — к Дрициным. И послезавтра — к Капачевым. И уже с утра кто-нибудь из сослуживцев, едва успев отряхнуть рваные гетры от снега, лъстиво подбирался к столу Шипарева и таинственно шептал:

— А Лизавета Петровна так и сказала: „Без Шипарева не приду“... Не забудь, друже, обязательно приматывайся... С патефончиком, конечно...

Унылая жизнь в маленькой одиннадцатиметровой комнате кончилась. Шипарев уже носил пестрые, преимущественно с лиловым оттенком, галстуки, сбрил усы и говорил с глуховатой соседкой в коридоре тоном усталого хозяина морской яхты:

— Рвут, Евлампия Егоровна... Не слышите? Рвут, говорю, на части... Прямо Фигаро из „Фауста“: Фигаро, подавай, Фигаро, получай...

Появление Шипарева на вечеринках было сплошной обоюдной радостью.

— Мама, мама, — возбужденно шептали дети, — патефон приехал, честное слово.

Шипарева угощали уже в шесть рук.
— Нет, нет, не позволю, — взмахивал руками суетливый хозяин, — такую колбаску и без домашней горчишки?.. Зубровочки не хотите? Вот видишь, Маруся, они любят рябиновую, а ты зубровкой поперек всему настроению... Не этично это...

И Шипарев, унося патефон домой, знал, что он уносит из чужой семьи кусок чего-то такого, что делает его хозяином положения. Вставая по утрам, он прежде всего смотрел на патефон, покоящийся в углу. Убедившись, что патефон цел и невредим, он спокойно уходил на службу. Ключ от внешнего мира он держал в своих руках.

Но счастье, приходящее неожиданно, умеет обыкновенно уходить, хотя бы и тихими шагами.

Случилось так, что недели две-три Шипарева никто почему-то не звал к себе. Он начал внимательно присматриваться к сослуживцам. Ничего как будто бы не случилось. Дрицын попрежнему икал после сухих бутербродов, подводя цифры. Капачев потихоньку читал газету, выглядывавшую из под отчетов, и мелким почерком записывал на стенном лозунге даты вчерашнего проигрыша.

— А я сегодня в кино, пожалуй, пойду, — осторожно начал Шипарев, подходя к Дрицыну, — вечер у меня сегодня свободный...

— Да ну? — безучастно удивился Дрицын. — Обязательно сходи. Я бы тоже пошел, да мы с женой сегодня у Крупеевых. Патефончик из Ленинграда привезли. Послушать звали.

Шипарев обиженно отвернулся и подсел к Капачеву.

— Может, порезвимся сегодня? — глядя в сторону, предложил он.

— Вечер у меня свободный, патефончик могу захватить.

— Не стой, — зевнул Капачев, — куда еще целых два? И так свой уже за три дня надоел... Жаль, что жена прихварывает, а так почему бы и не зайти вам...

Шипарев в этот день работал плохо. Вечером он разобрал патефон, смазал его гусиным жиром и, завернув в одеяло, пошел без приглашения к Семицветову.

— Сюрпризом это лучше всего, — утешал он себя. — Открывают дверь — и пожалуйста: Шипарев с патефончиком...

Через полчаса он уж бойко поднимался по семицветовской лестнице, разыскивая семнадцатый номер, и вдруг остановился. Из семнадцатого номера сквозь ободранную дверь пробивались веселые звуки патефонного фокстрота.

— Так, — вздохнул Шипарев, — спасибо.

И пешком пошел по большой освещенной улице обратно. Первое, что он увидел в ярко освещенном окне универмага, был портативный зеленоватый патефон с белой дощечкой сверху:

„Цена 200 рублей“.

Коричневый патефон с такой же надписью стоял в окне другого универмага... Даже в маленьком угловом магазине, среди матовых уни-тазов, столовых ложек и бумажных цветов, в углу приоткрылся синий патефон и белая дощечка с обидным предложением зайти и купить патефон.

— Двести рублей, — убито прошептал Шипарев. — Может, еще в расрочку докатились...

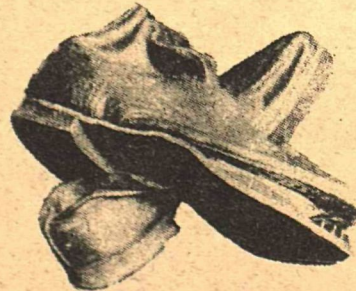
Когда Шипарев пришел домой, он кинул патефон на кушетку, как сбрасывают с себя земляного червяка, заползшего на ногу, сел на стул и зажал голову руками.

— Скучаете, — постучалась к нему глухая соседка. — Что-то вы сегодня домовничаєте? Зашли бы патефончик послушать, — братец из Ростова привез...

— После, — крикнул Шипарев, — после! Оставьте меня! После.

Так массовое производство убивает единичные карьеры. Ничего не поделаешь.

АРК. БУХОВ

Из-за такого ботинка легче всего получить насморк.

А за все подобные изделия по последнему декрету о невыпуске недоброкачественной продукции можно получить 5 лет со строгой изоляцией.

(Письмо из колхоза в город)

„На Кузнецком на мосту
Я гуляю и расту.
Только мне не вырасти
Слишком много сырости“...
(не Беряже)

Правление колхоза

„Наш показ“.
Печать и штамп. И подпись — закорючка.
— Товарищи!

Мы пишем в третий раз,
Все пишем, пишем, а от вас — ни звука.
Уж незаметно матушка-зима
Пришла со знаменитыми блинами;
Зима пришла, а наши три письма
Гуляют где-то между нами!
В конце концов мы обошлись и так,
Но обращались мы насчет контакта,
И надобно, чтоб был у нас контакт,
А без контакта —
Неудобно как-то!
Ну, хорошо.

Набиты закрома,
Семфонды ссыпаны.
И сделаны отчеты.

Выходит, значит, так, что окромя
Нет никакой ни думки ни заботы?
Выходит так, что если завелись
Машины для работы с урожаем,
Так техники у нас —

Хоть завались,
А если мы культуру уважаем?
А если мы растем на все на сто?
А если мы — поймите в самом деле —
Сегодня получить желаем то,
О чем вчера понятия не имели?
Вы увильнуть не думайте отнюдь —
Запросы наши коротки и четки:
— Хотя бы к женскому — 8 марта — дню
Прислали бы вы нам

зубные щетки!

Сто дюжин!
Чтоб на каждом на зубу
Сверкало солнце!
Чтобы наши избы
При конкурсе на лучшую избы
Последними нисколько не плелись бы!
Подумайте, — какой случится срам, —
Когда колхоз без вашей без отписки
Своих зубов не вычистит,

То вам

Не одобровать при предстоящей чистке!
Мы пишем в третий

и в последний раз,

А если вы задержитесь ответом,
То мы найдем,

Куда писать об этом.

Правление колхоза

„Наш показ“.

АРГО

„Всекохудожник“ — весьма известное юридическое лицо — живет и работает в Москве, на Кузнецком. Картины, скульптуры, выставки, расписные знамена и художественные ткани, игрушки, оформление клубов, вышивки — все это дело Всекохудожника, объединяющего сотни художников. Не прочь Всекохудожник и от крупных полотен. Одна такая картина (довольно неприглядная) была на днях показана на партгостке Всекохудожника. В обычную рамку эта панорама не влезет, — слишком большое полотно. Для удобства зрителей покажем панораму по частям.

ФРАГМЕНТ 1-й ЧЕЙ-ТО ПЛЕМЯННИК

В один неудачный для Всекохудожника день в правленский кабинет зашел некий скромный сотрудник Мариков и развязно попросил разрешения „срочно переговорить по телефону с дядей“. Правленцы оторопело разрешили. И еще более оторопели, когда Мариков вызвал Кремль, квартиру тов. Енукидзе и повел с ним беседу в родственных тонах. Мариков заявил по телефону, что „ехать сегодня в Кремль обедать он никак не может, — чрезвычайно занят“.

Когда „племянник“ бросил трубку, правленцы спросили:

— Значит, ты... вы старый партиец?

— Еще бы, — усмехнулся Мариков, и вскоре же стал секретарем партячейки Всекохудожника. В течение почти года (1932) бойкий Мариков не раз звонил в Кремль, хвастал своим огромным партстажем, собирал партвзносы, цензуровал стенгазету, выкидывая не угодные ему заметки, а всем, кто осмеливался интересоваться творящимися кругом безобразиями, многозначительно говорил:

— Я тебе не советую этим интересоваться, а то вылетишь!

— Много будешь орать на собраниях, — без хлеба сядешь!

А интересоваться было-таки чем...

ФРАГМЕНТ 2-й УЛЕТЕВШИЕ ГУСИ

Не раз интересовались художники, скульпторы и прикладники разными „роковыми“ вопросами.

— Куда, например, девалась большая партия гусей, присланных подшефным колхозом для улучшения питания художников? Почему никто их не увидел?

— Не советую этим интересоваться...

— А где несколько ящиков халвы, отпущенной для сотрудников и пропавшей бесследно где-то в недрах месткома.

— Не со-ве-ту-ю.

— Как смела Колобова (художественный руководитель цехов) шить себе одиннадцать платьев из креп-де-шина, отпущенного в цехи для росписи?

— Много будешь орать, — вылетишь из цеха!

— Но муж Колобовой взял монопольный заказ на эскизы для знамен. Жена заказывает, муж желает, жена одобряет и принимает, а деньги — рекою в семейный карман... Этого тоже нельзя трогать?

— Нель-зя.

Так оказалось нельзя узнавать:

— Как умудрилось правление ухлопать 180 тысяч рублей за год „на представительство“, буфеты, чай с пирожными и т. д.

— Куда и на что потратил 60 тысяч некий Белкин, посланный оформительским цехом для оформления клуба в Березниках.

Впрочем, понятно куда, если только одной портнихе за месяц работы у Белкина было уплачено восемь тысяч рублей. Поставив мировой рекорд портновского заработка, эта скромная работница иглы удалась, куда ей надо. Но счет, — к сведению РКК, — остался. На восемь тысяч. Почтовые расходы Белкина, как это раскопали потом, были оглушительны и не влезали ни в какие тарифы, даже межпланетной почты...

Через год выяснилось, что страшный Мариков с Кремлем-то „говорил“, предусмотрительно зажав рычаг телефона. Что он вовсе ничей не племянник. Что он сделал подлог в своих бумагах для увеличения партийного стажа. Каковой стаж после этого поступка и прервался...

Печаль, охватившая правленцев и ячейку при всех этих открытиях, превратилась в настоящий траур, когда оказалось, что вместе с „улетевшими“ покойными гусями улетели и... членские взносы, растроченные „племянником Всекохудожника“.

ФРАГМЕНТ 3-й „МЫ ТЕПЕРЬ ОЖИВИЛИСЬ!“

Где-то в кулуарах Всекохудожника бродили члены ячейки (больше 30 человек). После Марикова сменялись секретари. Но о качестве их „партработы“ говорят нам печальные признания, произносившиеся на чистке. Тов. Косичкин, например, очень скромно и грустно сказал, что вообще ячейка работала слабо, но перед чисткой „мы все оживились“ (?)

— Еще бы! — дружно откликнулось собрание.

Про нынешнего секретаря т. Большакова было сказано так:

— Тов. Большаков так скромен по натуре, что даже никому среди цеховой массы и неизвестно, что он секретарь ячейки (!).

— Партийцы в цехах не бывали!

— Ячейка ничего не сделала!

— Правленцы — бесконтрольные олимпийцы!

— Цехи брошены, о художниках не заботятся, даже красками не снабжают... О качестве красок (химическом) не думал никто, а ведь роспись экспортных тканей требует знания и анализа красок...

Всекохудожник в лице его выставочного цеха загубил известную скульптуру Меркулова „Смерть вождя“, стоившую 15 тысяч, купленную правительством, а ныне разломанную на куски при ремонте дома, подле которого она стояла.

Полный зажим самокритики, огромные траты на представительство, таинственным образом — не перечить этим художеств, представляющих в целом совершенно мрачную картину, „писавшуюся“ в течение полутора лет руководством Всекохудожника при унылом бездействии ячейки. Впрочем, что же и говорить, когда на чистке заявлено было, что член правления Сахаров, убежденный и застарелый беспартийный, „взял под свое влияние всех членов ячейки“.

Вот и „повлиял“...

Целый ряд протоколов, выступлений, заявлений показал, что „лицо“ Всекохудожника не очень приглядно.

Оргвыводы комиссии по чистке послужат уроком для творцов „панорамы“ Всекохудожника и помогут вывести „сырость“ и плесень на Кузнецком мосту, которая мешала расти большому и полезному делу.

ЛЕОНИД САЯНСКИЙ

Рис. Я. Завьялова (тема Я. Бельского и М. Глушкова)

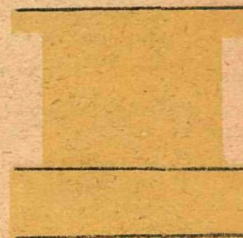
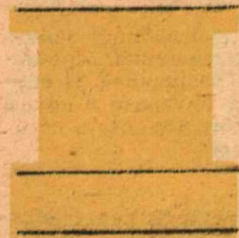
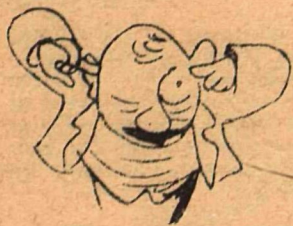

— Раз возьмете — 2 года ходить будете...
— Разве они такие крепкие?
— Да нет, менять на другие...

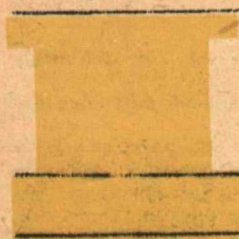
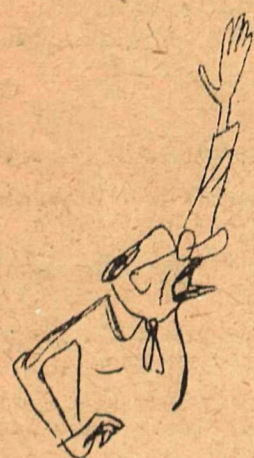
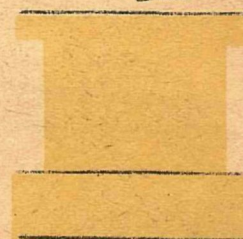

„Крокодил“ обследовал патефонный инвентарь некоторых ярых противников легкого жанра и, представьте, обнаружил у всех пластинку „Ах, эти черные глаза!“

Рис. Л. Бродаты (тома М. Глушкова)

О, ЭТИ ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА

А все-таки она вертится!..

ДАЙТЕ ПРИКУРИТЬ!

...Вам, курильщикам, что? Главное, это папироса, а закурить вы всегда умудряетесь. В крайнем случае накинете на себя шубу, выбежите на улицу и прикурите у постового милиционера.

А как же быть хозяйке? Кто войдет в ее положение? Представьте, потух примус, вонь, копоть, а ни одна спичка не годится. Что же вы прикажете делать: на улицу бежать с примусом к постовому милиционеру?

Этот горький укор в несочувствии бедным домашним хозяйкам идет из города Гомеля. И направлен он по адресу спичечной фабрики „Везувий“, тоже расположенной в городе Гомеле.

Положение гомельских женщин, как видите, действительно печальное. Их можно понять. Однако при всем уважении к домашним хозяйкам нельзя быть безучастным ко второй половине человечества — к гомельским мужчинам.

Во-первых, закуривать у постовых милиционеров — не выход из положения, ибо ничем не доказано, что милицейские спички горят. Во-вторых, при внимательном рассмотрении вопроса не трудно убедиться, что жалобы мужчин идут значительно дальше и глубже.

Примус в течение дня зажигается примерно три-четыре раза. Тухнет примус, исходя из средних статистических данных, столько же раз. Накинем 10, даже 20 процентов на „форс мажоры“, и в общем получим 9-10 зажиганий на день. А мужчины? Мужчина-курильщик обращается к спичкам не менее 40-50 раз в день, т.-е., если исходить из самого оптимистического расчета (что из 4 спичек зажигается одна), мужчина должен до 200 раз в день чиркать...

И не в одном физическом напряжении дело. Приходится не мало и духовно переживать, ибо даже от лучших, т.-е. случайно загорающихся спичек такой идет дух и такая копоть, что не только папироса — нос трагически чернеет.

Кто видел американский боевик „Познакомьте меня“, где некий комик дурачит глупого папашу, угощая его особого сорта сигарами с сажей, тому, впрочем, нечего пояснять действие гомельских спичек. Возникает лишь такой вопрос: то—американский боевик, нарочито

комическая картина, и глупый папаша, а мы при чем здесь? При чем советский потребитель? Гомельский, минский, харьковский, московский?

— Свои люди, сочтемся, — успокаивают руководители „Везувия“. — Ведь эти спички идут только на местный рынок...

Местный рынок! Вот счастливая низменность, куда гомельский „Везувий“ может извергать всякую дрянь. Местный рынок все слопает. Он такой.

Увы, историки и очевидцы жили не только во времена римлян. Есть не мало историков, очевидцев и просто жалующихся в РКИ и в прокуратуру на качество спичек, и сказано в этих жалобах дословно, что носы непосредственных виновников брака на гомельской спичечной фабрике безусловно не закопчены, ибо они (не носы конечно) пользуются для личных целей не своими, а завозными спичками. То же утверждают со всей категоричностью очевидцы о носах многих других ответственных работников Гомеля: и у них завозные спички. Потому-то, вероятно, и борьба с браком не пошла в Гомеле дальше принятия резолюций.

Очевидцы и историки утверждают далее, отвлекаясь несколько от непосредственной темы о спичках, что точно такая же картина наблюдается на всех гомельских предприятиях, выпускающих продукцию широкого потребления. Кроватная фабрика, например, извергает, вместо человеческих полотораспальных кроватей, „полоторатонники“, деревообделочный комбинат забрасывает рынок не стульями, а „попрыгунчиками“, а одна доверчивая женщина, купившая на-днях шкаф и развесившая в нем одежду, не могла его никак открыть.

Приглашенный слесарь, провозившись бесплодно полдня у шкафа, ушел крайне смущенный, оправдываясь тем, что он не специалист по несгораемым кассам. С подобными замками он не сталкивался.

Короче говоря и опять возвращаясь к нашим почти историческим запискам о гомельском „Везувии“, — скажем в заключение, что и мы там были. Интересующихся подробностями этого посещения отсылаем, однако, непосредственно к первоисточнику, — к запискам Плиния Младшего, как известно, тоже лично наблюдавшего Везувий, правда, несколько раньше нас — 24 августа 79 года по Р. Х.

Тот Везувий был доброкачественней. Хоть и дымил и чадил, но по крайней мере давал огонь.

А. АГРАНОВСКИЙ